

УДК 75.056(47)

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-100-117

Маркеры «советского» в детской иллюстрации 60–80-х годов XX в.

Жанна В. Уманская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zh.umanskaya@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена поиску маркеров «советского» в детской иллюстрации. Исследуя частное книжное собрание детских иллюстрированных книг 1960–1980-х гг. и коллекции репринтов современных издательств, автор ищет причины востребованности советских изданий у современного потребителя. Дается визуальный анализ особенностей изображения советских детей в государственной многотиражной продукции. «Советское» рассматривается как обозначение идеологии конкретного авторитетного дискурса, в явном виде пронизывающей содержание и форму некоторой доли детских книг указанного периода, и как временная рамка создания целого корпуса высокохудожественных изданий на темы, далекие от революционной патетики и коммунистических идей. Опираясь на модель А. Юрчака, автор констатирует режимы «внеаходимости» и «для своих» как способы творческой самореализации художников-иллюстраторов советского периода. Двойственность и внутренняя противоречивость режима «внеаходимости» порождает, по мнению автора, феномен советской детской иллюстрации в восприятии современных поколений.

Ключевые слова: советская иллюстрация 60–80-х гг. XX в., маркеры «советского», потребительский интерес к советской детской иллюстрированной книге, «внеаходимость», А. Юрчак

Для цитирования: Уманская Ж.В. Маркеры «советского» в детской иллюстрации 60–80-х годов XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 8. С. 100–117. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-100-117

Markers of “Soviet” in children’s illustration of 60–80s of 20th century

Zhanna V. Umanskaya

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; zh.umanskaya@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the search for “Soviet” markers in children’s illustration. The author conducts the search for the reasons of demand of the Soviet editions at the modern consumer by researching private book collection of children’s illustrated books of 1960–1980th years and collection of reprints of modern publishing houses. The author provides the visual analysis of features of the image of the Soviet children in the state-approved books. “Soviet” is considered as a symbol of the ideology of a specific authoritative discourse, which clearly defines the content and form of a certain proportion of children’s books of this period, and as a time frame for the creation of a whole corpus of highly artistic publications on topics far removed from revolutionary pathetics and communist ideas. The author states, using the model of A. Yurchak, that the modes of “sub-reachability” and “for his own” are the ways of creative self-realization of the artists-illustrators of the Soviet period. The duality and internal contradictions of the regime of “sub-reachability” are the main reasons for the rise of the phenomenon of the Soviet children’s illustration in the perception of modern generations.

Keywords: Soviet illustration of the 1960–1980s, markers of the Soviet, consumer interest in the Soviet children’s illustrated book, “sub-reachability”, A. Yurchak

For citation: Umanskaya ZhV. Markers of “Soviet” in children’s illustration of 60–80s of 20th century. *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series.* 2019;8:100-117. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-100-117

Введение

До сих пор заметную долю на книжном рынке составляют различные варианты переизданий детских иллюстрированных книг советского периода. Причины работы издательств со старыми продуктами весьма разнообразны: коммерциализация ностальгии по детству–юности и советскому прошлому, наличие готовых макетов и решенные проблемы с авторскими правами, эстетические предпочтения и идеологические установки. Спрос на продукт еще сохраняется, следовательно, он каким-то образом функционирует в нашей повседневности. Являются ли книги, рожденные в другое время, привычными и родными по смыслам и интенциям для современного ребенка? Или их участь стать пыльной составляющей

семейной коллекции «чтобы было», практикой сохранения памяти о собственном детстве старших поколений? Что могут считать в этих посланиях из прошлой жизни современные взрослые и их дети? Что делают с контентом текстовым и иллюстраторским сами издатели, чтобы прививка из советских книжек на новых поколениях прошла успешно? Можно ли говорить о реинкарнации «советского стиля» в работах современных художников? Вопросов много, поэтому в своей статье я коснусь лишь некоторых из них.

Советский период – это продолжительный срок с 1918 по 1991 г., за который несколько раз менялась идеология культурной политики Советского государства, а вслед за этим менялся и облик детской книги. Если попытаться очерчивать границы в истории советской детской иллюстрации, то первый период: это 20-е и начало 30-х гг.; второй период: вторая половина 30-х – начало 50-х гг., третий период: оттепельные 60-е (с бурными спорами между «книжниками» и «станковистами»¹), которые плавно перетекли в 70–80-е гг.

Опора на узнаваемость массовым покупателем обложек и книг своего советского детства выделила вполне определенный временной пласт для многотиражного репринта. Именно иллюстраторский бум в советской детской литературе 60–80-х гг. оказался в зоне пристального внимания и современных потребителей (тех, кому за 35), и производителей. Серии типа «Любимая мама/бабушкина книжка» отсылают, конечно же, не к первым годам молодой советской республики, а ко времени молодости первого и второго послевоенных поколений. Замечу сразу, что репринты книг 20–30-х гг. также присутствуют на книжном рынке², но они не столь значительны по тиражам и привлекательны скорее для профессионалов (библиографов, искусствоведов, коллекционеров), а не для рядовых читателей. Оригиналов книг эпохи авангарда в семейных коллекциях сохранилось крайне мало, для многих ныне живущих взрослых они непривычны по стилю, не окрашены личными воспоминаниями и эмоциями, а потому – неинтересны.

Практика показывает, что «советские» книжки 60–80-х гг. выхватываются взглядом из общей массы интуитивно и, чаще всего, безошибочно не только взрослыми, но и современными детьми и подростками. Последние вполне различают книги с разными графическими манерами: «как раньше» и «как сейчас», хотя и те

¹ Отражение одной из позиций см.: *Чегодаева М.А.* Искусство, которое было: Пути русской книжной графики, 1937–1980. М.: Галарт, 2014. 368 с.

² См. серию «А+А» издательства «Ad Marginem» или серию «Детям будущего: книги 20–30-х годов» издательства «Арт-Волхонка».

и другие могут быть выпущены только-только. Есть подозрение, что маркеры «советского» в иллюстрациях вполне идентифицируемы не только на интуитивном, но и на рациональном уровне, чему и посвящено это исследование. Моя задача – определить, какого типа иллюстрации подпадают под категорию «советского» и каким образом юный читатель различает «советскость», на чем основана востребованность такого рода продукции.

«Время ушедшее» на фоне его забывания неизбежно мифологизируется и теми, кто его проживал, и теми, кто не жил в нем. Можно указать на две альтернативные линии мифологизации по отношению к советскому периоду российской истории – его демонизирование и его романтизацию. Маятник оценок колеблется от «все было ужасно и созданные культурные продукты не имеют художественной ценности» до «в старые добрые (советские) времена все, в том числе детские книги, делали качественно». Мой исследовательский и преподавательский опыт позволяет говорить о преобладании положительных коннотаций при описании современными детьми конкретных книг и иллюстраций, независимо от времени их появления, при маркировке их как советских. Но при более подробных опросах становится понятно, что очень трудно определить, что именно вызывает теплое отношение и с чем конкретно оно соотносится. Ребенку трудно разграничить, оценка ли это только иллюстраций книги или любимого текста или, может быть, включаются ассоциации с собственным детством и с детством родителей (книжка-то еще их), а тексты и картинки суть лишь триггеры памяти. Квалификация издания как советского демонстрировала ее дистанцированность по отношению к текущему моменту, тем самым подчеркивалось, что «это не современная книга» и способ ее иллюстрирования устаревший: «хотя и красивая, сейчас по-другому рисуют».

Методы исследования

Построение концепта «советское» – это обширная и актуальная междисциплинарная область, многие современные исследователи ищут маркеры «советского» в социокультурных практиках разного масштаба как в минувшем, так и в дне сегодняшнем³. Одна из наиболее близких мне концепций – модель А. Юрчака, предложенная

³ См., например, сборники за разные годы конференций Европейского университета в Санкт-Петербурге «Конструируя “советское”? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности».

в его книге «Это было навсегда, пока не кончилось» и конструирующая советскую повседневность с помощью понятий «внеаходимости» и «своих» [1].

Анализ графического контента требует применения методов визуальных исследований. В своем построении и интерпретации я опиралась на работы Р. Барта [2] и П. Штомпке [3]. Оба автора в основном описывали методологию исследования фотографий, но алгоритмы визуальной социологии в изучении фотографий можно применять с некоторой коррекцией и адаптацией и к книжной графике в целом, и к детской иллюстрации в частности. Общий подход к анализу иллюстраций как составляющей пространства книги, определяемого культурным и историческим контекстом, выполнен с опорой на работы Ю.Я. Герчука [4–5].

Описание источников

В качестве источников исследования были выбраны две группы объектов: *частное семейное собрание* детских книг, изданных в Советском Союзе и позже, и *современные переиздания детских иллюстрированных книг 60–80-х гг.*

Частное семейное собрание

Частное семейное собрание является набором книг, которые были доступны для покупки среднестатистическим по доходам и условиям жизни семьям, проживавшим в Московском регионе в 60–90-е гг. XX в. Владельцы собрания не имели возможности приобретать книги по специальным условиям, в комплектации семейного собрания не было определенного художественного или контентного принципа: это были спонтанные покупки того, что можно было вдруг застать на прилавках магазинов с учетом книжного дефицита. По социальному положению и образованию это была семья инженеров без какого-либо художественного образования или соответствующего круга общения, т. е. при покупке отсутствовали специальные профессиональные рекомендации по поводу качества оформления книг и необходимости обязательно найти какую-либо конкретную книгу. Единственным ориентиром были содержание текста и простой интуитивный выбор «нравится или нет» в сам момент покупки. В собрании практически нет иллюстрированных детских книг, изданных ранее 1966 г. (за исключением нескольких экземпля-

ров в мягких обложках 1948–1960 гг. и нескольких книг для подростков в твердом переплете с полосными черно-белыми иллюстрациями), нет полиграфических и библиографических редкостей. С 60-х гг. книги покупались с постоянной регулярностью. На основе перечисленного, я полагаю, такое собрание позволяет исследовать особенности книжной графики в тиражных массовых изданиях для детей в последнюю треть XX в. с точки зрения рядового городского потребителя. Собрание дает возможность увидеть иллюстрации в типовых детских книгах, которые были частью визуального повседневного окружения поколений, рожденных после 60-х гг. На книгах собрания выросло не только советское поколение этой семьи, но и дети, рожденные в постсоветской России. Общение с членами указанной семьи дают возможность привлечь семейный опыт по взаимодействию с книгами собрания в прошлом, а также услышать мнение о них представителей разных поколений.

Книжный рынок переизданий. Типы издательских продуктов

В настоящее время на книжном рынке можно найти около 20 специализированных серий различных издательств. Многие издательства переиздают советские книжки вне серий или же включают их в серии с более широкой тематикой и набором авторов. Существует несколько разновидностей продуктов в сегменте «советские книжки»: это репринтное издание книги как целостного продукта («как было»); издание нового макета при использовании старых чистовых иллюстраций; издание текста, написанного в советское время, в современном обрамлении, но выполненного в советской стилистике. Ни один из сложившихся видов не воспроизводит полностью оригинальные издания.

*Репринтное издание*⁴. Эти книги, в большинстве своем, и не претендуют на аутентичность, так как при их печати использованы современные краски и бумага, может быть изменен в большую или меньшую сторону формат книги и тип обложки (например, мяг-

⁴ См., например: Барто Агния Львовна. Художник: Михайлов Борис Павлович. Издательство: Речь, 2017 г. Серия: Любимая мама книжка. Текст печатается по изданию: *Барто А.* В школу: стихи. Л.: Художник РСФСР, 1966. Подробнее: <https://www.labyrinth.ru/books/605847/>

кая обложка на твердый переплет). Большая цветность и яркость современных переизданий, по отношению к исходным картинкам, объясняется часто одним из двух факторов. Во-первых, авторские иллюстрации могли быть яркими и с необычными колористическими решениями, но достаточно низкое качество бумаги и технологии офсетной печати того периода нивелировали все изыски художника, делая картинки тусклыми. Современные методы печати в таком случае демонстрируют нам, как это задумывалось на самом деле. Второй фактор связан с активностью самих издателей, когда движки графических редакторов перемещаются в сторону больших контрастов и яркости, так как современный зритель приучен к интенсивным сочетаниям и книга в сдержанной гамме может оставить его равнодушным.

*Новая верстка старых иллюстраций*⁵. Формально рисунки взяты из первого издания, но они не все представлены по количеству и распределение их на листе иное. Это в целом меняет размер и форму цветового пятна на странице, динамику его восприятия зрителем. Получается, «та книжка», но не совсем.

*Старый текст в современном обрамлении, но в советской стилистике*⁶. Многие издательства сотрудничают с мэтрами, эксплуатируя их «советскость» в новых иллюстрациях и поддерживая их стиль рисования. Современный ребенок живет в другом бытовом окружении, и заботливый иллюстратор рисует для текста советских времен вышедшие из употребления вещи так, чтобы можно было составить о них хоть какое-нибудь представление. По понятным причинам уходящему поколению художников советской иллюстраторской школы сделать такую работу проще: они тогда жили и видели многое собственными глазами. Многие стереотипы о характерных чертах определенного исторического периода складываются несколько позже самого периода. Сегодня, с позиции времени, их даже легче воспроизводить с помощью сложившихся профессиональных штампов и определенных графических приемов. Стоит специально отметить, что есть и современные молодые иллюстраторы, работающие в легко узнаваемой советской стилистике⁷.

⁵ См., например: *Антонович М. Цыплята*. Серия «Странички-нивелички». СПб.; М.: Речь, 2016. Ил. Л.Б. Рыбченковой. Текст печатается по изданию 1967 г.

⁶ См., например: *Носов Н. Находчивость*. М.: Нигма. 2017. Ил. Г.М. Мазурина.

⁷ См., например: *Ерошин А. Я гулял на облаках*. СПб.: Качели. 2017. Ил. Е. Бауман.

Результаты исследования

Изучение особенностей иллюстраций детских книг из частного семейного собрания и переиздаваемой литературы показывает, что в этих иллюстрациях можно выделить разные уровни бытования «советского». Причем происходит смешение, как минимум, двух восприятий, двух пониманий и употребления слова.

Во-первых, *«советское» как определенное идеологически окрашенное содержание, установка, практика, поведение, связанное с риторикой авторитетного дискурса*⁸. Отмечу сразу, что за рамкой исследования остались произведения, чей сюжет был не про советскую действительность, но темы социального или национального неравенства позволяли через иллюстративный ряд транслировать советские установки⁹.

Во-вторых, *«советское» как временная рамка*, т. е. что-то произведенное в определенное время в конкретной стране, но не отсылающее прямо к советской идеологии. Это случай, когда ребенок воспринимает продукт советским не по содержанию, а по художественно-эстетическим приемам, характерным для того времени. Личное взаимодействие с книгами домашнего собрания позволяет детям интуитивно классифицировать их и узнавать определенные типы издательских продуктов, в том числе маркировать некоторые современные иллюстрации: «А здесь нарисовано как в старых книжках», имея в виду книги детства своих родителей (т. е. советские книги) и фиксируя именно этот мотив-связку: «время=графические приемы».

Очевидно, что советские иллюстраторы, несмотря на различия в мировоззренческих установках, направляемые собственными желаниями и социальным заказом от издателей, будучи частью исторически обусловленной среды, вольно или невольно транслируют в своем творчестве идеи и ценности своего времени, сохраняя (консервируя) графическими методами дух эпохи. Интересно обнаружить эти свидетельства в готовых книжных макетах советского периода как первой группы, так и второй.

⁸ См., например: *Калмыкова Д.* Образ ребенка на обложках «Мурзилки» (1954–1964) // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы девятой международной конференции молодых ученых (16–18 апреля 2015 года, Санкт-Петербург). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 62–69.

⁹ См., например, иллюстрации к произведениям Дж. Родари, М. Твена или М. Рида.

В «советском», как в идеологически окрашенном книжном продукте, условно можно выделить две большие группы произведений и соответственно иллюстраций к ним. Это книги, сюжетно явно определяемые авторитетным дискурсом (о революции, о Гражданской и Отечественной войнах, о революционных и государственных деятелях, о пионерах, комсомольцах и коммунистах), и книги о повседневной жизни советских детей (об обычных мальчиках и девочках). Идентификация первой группы как «советское» не требует особых усилий. Атрибуты «советского» (галстуки, пионерские и комсомольские значки, костры и знамена), изобилие красного, строгость и пафосность выдают себя с головой¹⁰. Многие произведения В. Маяковского¹¹, С. Михалкова¹², А. Барто¹³ и других авторов своей советской риторикой диктуют определенный стиль иллюстрирования.

Гораздо интереснее, на мой взгляд, анализ книг, в которых главные герои – обычные дети, без акцентирования на их статусе октябренька или пионера. В таких книгах описаны досуг и школьные будни, товарищеские и семейные отношения, т. е. те повседневные практики, в которые погружен процесс взросления. Именно в иллюстрациях А. Каневского, например, к рассказам Н. Носова¹⁴, к В. Драгунскому¹⁵, В. Лебедева ко многим стихам С. Маршака¹⁶ имеет смысл искать явное и неявное «советское», зафиксированное характерными художественными приемами.

¹⁰ См., например: *Баруздин С.* Шел по улице солдат. М.: Детская литература, 1985. Ил. А. Иткина; *Гайдар А.* Сказка о Военной Тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове. М.: Детская литература, 1969. Ил. Ю. Рейнера.

¹¹ См., например: *Маяковский В.* Кем быть? М.: Малыш, 1972. Ил. М. Скобелева; *Маяковский В.* Что такое хорошо и что такое плохо. М.: Детская литература, 1969. Ил. А. Пахомова.

¹² См., например: *Михалков С.* Дядя Степа. М.: Детская литература, 1967. Ил. Ю. Коровина (при очень выразительном образе дяди Степы нарисованы совершенно обезличенные дети).

¹³ См., например: *Барто А.* Собр. соч.: В 3 т. М.: Детская литература, 1970. Ил. Н. Цейтлина, А. Каневского, М. Митурича, Г. Мазурина, В. Горяева, Г. Никольского и других.

¹⁴ См., например: *Носов Н.* Витя Малеев в школе и дома. М.: Детская литература, 1970. Ил. А. Каневского; *Он же.* Веселая семейка. М.: Детская литература, 1975. Ил. А. Каневского.

¹⁵ *Драгунский В.* Поют колеса тра-та-та. М.: Детская литература, 1968. Ил. Ю. Зальцмана.

¹⁶ См., например: *Маршак С.* Стихи для детей. М.: Малыш, 1975. Ил. В. Лебедева.

После разгромной статьи 1936 г. «О художниках-пачкунах» в газете «Правда» от 1 марта [6] эксперименты и поиски нового языка книжной графики оказались под запретом, а детская книжная иллюстрация встала на путь социалистического реализма. Психолого-педагогические статьи советских исследователей о восприятии детьми искусства и иллюстраций [7] подвели тогда жесткую базу под определенный стандарт: какого размера, формы и сложности колорита должны быть рисунки в детской книжке, как использовать тональную и линейную перспективу, возможны ли отклонения от реалистичности изображения. Все это было не раз артикулировано и зафиксировано в регламентирующих документах и инструкциях.

Визуальный анализ графического контента книг домашнего собрания позволяет дать некоторую обобщенную характеристику «советского» стиля иллюстраций, изображающих повседневную жизнь детей 60–80-х гг. Несмотря на разнообразие авторских техник, художники придерживались заданных рамок и дополняли канон новыми особенностями. С одной стороны, в иллюстрациях можно обнаружить образцы того, как должно рисовать в духе социалистического реализма: натуралистично и узнаваемо, в полный размер объектов без выноса частей тела или вещи за рамку листа, без гротескных пропорций фигур и лиц персонажей, без карикатурных деформаций отдельных частей тела (удлиненных рук и ног, гипертрофированных носов и ушей, странных размеров глаз, рта и прочего)¹⁷. Карикатурность и мультипликационная динамика присутствовали и в книжной графике, но они были характерны либо для сатирических и юмористических произведений, либо для историй в картинках для детских периодических журналов.

С другой стороны, в иллюстрациях можно увидеть черты, явно не прописанные в инструкциях: благородная сдержанность и минимализм колорита, естественность цветов; эмоциональная сдержанность. Сильные эмоции есть, но они не истеричны, это не крик и не вопль по любому поводу. Ограниченность используемых ракурсов (крайне редко неожиданные ракурсы сверху или снизу) и отсутствие радикального масштабирования (нет сильной разницы в размерах изображаемого – кто-то очень большой, а кто-то очень маленький при сопоставимых реальных размерах) гарантируют защиту от резких скачков восприятия, защищают от внезапных случайностей. И особенно хочется обратить внимание на ход, на течение времени в маркируемых как «советские» изображениях.

¹⁷ См., например: *Пермяк Е.* Первая рыбка. М.: Малыш, 1974. Ил. О. Васильева.

Здесь особая темпоральность: очень медленное, практически остановленное время и статичность действий. Это чаще всего не бег и не удар, а фигуры, застывшие в фазе бега или удара. Все уже на месте, будущее воплощено уже здесь, прямо сейчас. Спокойствие и несуетливая размеренность. Спокойствие и основательность – одни из главных эмоций многих иллюстраций.

Бросается в глаза усредненность и типажность в образах детей – это дети «вообще»¹⁸. Конечно, если взять весь спектр существовавшего тогда иллюстрирования, то можно найти самые разные примеры и образцы, но то, что было доступно рядовому покупателю, создает некий общий усредненный образ, который похож на всех и ни на кого конкретно. Вы не обнаружите такого ребенка в толпе на улице – «О! Ты из книжки!». Рисунки А. Пахомова¹⁹, позднего В. Лебедева²⁰ задают канон рисования детей, который тиражируется бесчисленным количеством работ коллег-художников и доводится до графического идеала и лаконизма линий у малышей Г. Валька²¹. Дети не просто все на одно лицо, у них примерно одна и та же комплекция: нет толстых и худых, все крепенькие и с ровными ногами. Очень распространено изображать детей в коротких штанишках-трусиках: пышут здоровьем и уверенным спокойствием.

Даже если происходит что-то неправильное, то оно будет скорее подано в юмористической и оптимистической ноте, а не с интонацией ужаса и кошмара. Может быть, вот этот посыл уверенности в завтрашнем дне и есть то притягательное, за что многие любят советские детские книжки? Добро всегда побеждает зло, практически нет абсолютно отрицательных детских героев, есть те, кто ошибается или чего-то не ведает, но в конце, как правило, многих перевоспитают, т. е. у каждого есть шанс стать лучше, если ты не один, если есть друзья. И иллюстрации, спокойные, предсказуемые и понятные, добавляют эту уверенность в своих силах и в силу коллектива.

¹⁸ См., например: *Черепанов Ю.* Кирюшка помогает маме: Книжка-картинка. М.: Детская литература, 1986. Рисунки автора; *Полякова Н.* Снежки. Л.: Детская литература, 1967. Ил. О. Богаевской.

¹⁹ См., например: *Осеева В.* Волшебное слово. М.: Детская литература, 1972. Ил. А. Пахомова.

²⁰ См., например, иллюстрации В. Лебедева: *Маршак С.* Детям. М.: Детская литература, 1973.

²¹ См., например, иллюстрации Г. Валька: *Александрова З.* Мой мишка. М.: Детская литература, 1986; *Носов Н.* Про репку. М.: Детская литература, 1983.

Функционально – советская иллюстрация в детской книге о самих детях не создает иной мир, она дополняет и объясняет существующий, является книжным идеализированным продолжением привычного окружения ребенка. Усредненность образа, по идее, позволяет практически любому читателю идентифицировать себя с героем книжки. Не несет ли это еще один пласт значений о необходимости быть как все, не выделяться? «Я один из многих таких же, меня ждет такое же светлое будущее, как и всех граждан нашей самой лучшей страны».

«Советское» как временная рамка (исследуемые 60–80-е гг.) включает весьма разнообразную по жанрам детскую иллюстрированную литературу: огромными тиражами выпускались сказки разных народов, повести, рассказы и стихи дореволюционных писателей, рассказы о природе, фантастические истории о несуществующих мирах и существах, антропоморфные описания жизни зверей и растений. Все перечисленные сюжеты слабо цензурировались, так как не имели прямого отношения к советской действительности, что позволяло рисовать в свободной художественной манере, игнорируя идеологический диктат.

Надо отметить, что книги о советских детях и книги про все остальное иллюстрировали одни и те же люди²². Исторический и социокультурный контекст задавал рамку и для иллюстраций «не про советское». А. Юрчак в своем исследовании советских практик повседневности использует концепт «внеаходимости» [1 с. 255–310] для изучения такого существования внутри советской системы, когда индивид или группа реализуют свои потенции за счет ресурсов и практик советской системы, не солидаризируясь с ней и не противопоставляя себя ей. Автор подробно разбирает документы и личные свидетельства самых разных групп ленинградской образованной молодежи. «Внеаходимость», на мой взгляд, достаточно точно отражает реалии времени 70–80-х. Применительно к художникам-иллюстраторам эта идея позволяет конструировать саму возможность художественного высказывания, которое одновременно не являлось высказыванием в духе властного дискурса, но именно им было порождено и благодаря ему существовало. Те иллюстраторы, кто был допущен до советской издательской системы, были фактически привилегированным классом в среде художников – за счет огромных (многомиллионных) тиражей они могли позволить себе безбедное и профессиональное, и личное существование. Была возможность осуществления длительных и кропотливых проектов, что, конечно, повышало качество конечного про-

²² Ср. иллюстрации Ф. Лемкуля: *Баруздин С.* Шаг за шагом. М.: Детская литература, 1989; *Тувим Ю.* Слон Хоботовский. М.: Детская литература, 1972.

дукта. Второй концепт работы А. Юрчака – «круг своих» [1 с. 212]. Человек, создающий интеллектуальный или творческий продукт, внутренне ориентирован на диалог с читателем или зрителем, разделяющим или оппонирующим его видение мира. Не думаю, что будет насильственным притягиванием конкретной ситуации к теоретической модели утверждение, что, иллюстрируя детские книги, многие художники видели своими читателями именно «своих», свое ближайшее окружение, точно так же находящихся в этом странном состоянии принятия и отторжения советской системы.

Обращу внимание на некоторую странность и нелогичность настроев в советской системе в художественной сфере: сюжеты и темы, недопустимые (нежелательные) в официальной станковой живописи, прекрасно существовали в иллюстрациях к книгам. А. Юрчак обращает внимание на подобную нелогичность, но на других примерах и формах деятельности [1 с. 276]. Если в живописи должен был преобладать мотив доминирования общественного над индивидуальным, пафоса и оптимизма строителя коммунизма над экзистенциальной печалью человека сомневающегося, то в книжной иллюстрации палитра тем задавалась содержанием иллюстрируемого текста и была значительно богаче и разнообразнее. Практически дерзостью в 60–70-х гг. было создание живописного полотна с унылым персонажем на фоне домашней утвари и фикуса, а не заводских труб [8 с. 141–156]. В детской же книжной и журнальной иллюстрации предметы быта были необходимы в качестве образовательного элемента, житейские коллизии были представлены в соответствии с общей атмосферой описываемых событий. Во многом поэтому в послевоенный период и позже в художники-иллюстраторы как в профессию, дающую не только стабильный заработок, но некоторую свободу от идеологического диктата, шли живописцы и графики, журнальные карикатуристы и мультипликаторы. Отдельная интересная тема – дискуссии 60-х гг. о форме книги, которые закончились победой художников-«книжников» [9]. На издательском рынке появились образцы того, как с помощью иллюстраций и общей композиции создать особый мир, свою авторскую реальность для ребенка-читателя. Художники отстаивали свое право на особый язык в иллюстраторском деле. Работы М. Митурича²³, Н. Устинова²⁴,

²³ См., например, иллюстрации М. Митурича: *Снегирев Г.* Про оленей. М.: Детская литература, 1972; *Киплинг Р.* Кошка, гуляющая сама по себе. М.: Детская литература, 1983.

²⁴ См., например: *Токмакова И.П.* Сосны шумят. М.: Детская литература, 1974. Ил. Н. Устинова.

В. Пивоварова²⁵, О. Васильева и Э. Булатова²⁶, С. Острова²⁷ и Н. Цейтлина²⁸ и многих других художников объединяют отношение к книге как целостному объекту. Графические стили различных авторов несли отпечаток полученного образования и личных художественных манифестов иллюстраторов. Эти книги не вписываются в рамку «советское» как рамку идеологическую, она им была мала. Огромное количество замечательных работ 60–80-х гг. демонстрируют определенную эстетическую концепцию и отражают принятые на тот момент художественные стандарты. Но несмотря на то что транслируемые графическим контентом высказывания не совпадают впрямую с советской идеологией, они советские. Их «советскость» связана с тем, что именно в Советском Союзе, как месте, в 60–80-е гг. сложилась определенная совокупность представлений о признаках красивой детской книги. Их «советскость» – в самой возможности создания качественной полиграфической продукции неидеологизированного содержания вне логики властного дискурса, но на средства внутренне противоречивой системы, живущей под лозунгом «Все лучшее – детям!» и требованием к образовательной системе воспитания всесторонне развитой гармоничной личности. Советские – по созданию силами иллюстрации социальной утопии надежного и защищенного мира, мира детства. Их «советскость» связана с общей атмосферой книги: доброй, спокойной и уверенной. И юные читатели легко угадывают их происхождение – для новых поколений это книги из прошлого. Их «советскость» в их цельности, ясности и предсказуемости, они выдают себя, в том числе, ощущением темпа времени. Время остановлено.

Общая темпоральность объединяет обе разбираемые группы иллюстрированных изданий. Это особенно заметно, если сравнивать продукцию, произведенную до 1985 г. и после. Ближе к концу 80-х гг. на фоне бурных социально-экономических и политических изменений появляются динамика, нервность и сложность в изображении персонажей – они становятся другими. Исследователи детской иллюстрации последнего советского десятилетия также отмечают изменение визуального ряда в детских изданиях.

²⁵ См., например: *Пивоварова И.* Тихое и звонкое. М.: Детская литература, 1967. Ил. В. Пивоварова.

²⁶ См., например: Русские народные сказки: Как курочка хлеб испекла: Книжка-картинка. М.: Малыш, 1987. Ил. О. Васильева и Э. Булатова.

²⁷ *Яковлев Ю.Я.* Девочка с Васильевского острова. М.: Малыш, 1970. Ил. С. Острова.

²⁸ *Дриз О.* Разноцветный мальчик. М.: Детская литература, 1968. Ил. Н. Цейтлина.

Заклучение

В ряду других советские детские книги демонстрируют разнообразие и самой жизни, и отношения к ней. Есть вероятность, что эта манера не отомрет с уходом поколений, выросших еще в Советском Союзе, а будет востребована, и не только потому, что существует преемственность современной российской иллюстраторской школы, а силами издательств выращивается еще одно поколение, которое, как минимум, видело такую графику. Востребованность «советского» связана с вполне человеческими настройками: необходимым чувством понимания происходящего, ожиданием простых решений, боязнью личной ответственности, желанием предсказуемости своего окружения. Всегда будут лидеры и будут те, кто предпочитает идти в указанном направлении. Все это личностные установки, позволяющие сберечь ресурс, сделать свою жизнь менее тревожной и нервной.

В «советской» стилистике могут быть проиллюстрированы не только произведения, написанные тогда или повествующие о том времени. «Уютный» акварельный стиль многих современных детских книг, и не только российских, так же про мир, покой и спокойствие. В книжках новой «советскости» вместо газет, корыт, тюбетеек, коротких штанишек, курительных трубок и пионерских галстуков будут сотовые телефоны и ноутбуки, кепки и толстовки²⁹. Простота, мягкость и ясность акварельной или карандашной графики и создаваемых образов будут для многих по-прежнему необходимыми, как никуда не денется для определенных социальных групп востребованность в патернализме, в опеке, в возможности раствориться в коллективе. Следовательно, будут нравиться книжки с иллюстрациями, отражающими такие идеи. Среди шумных, резких, ярких и динамичных современных книг со сложными темами, навороченными персонажами и отсутствующими решениями, нацеленными на воспитание индивидуальности, есть своя экологическая ниша и у книг с иллюстрациями, транслирующими рецепты простой и предсказуемой жизни в коллективе в остановившемся времени. Правда, есть вероятность, что герои в них уже не будут все на одно лицо – время внесет свои коррективы.

²⁹ Такие работы можно посмотреть на сайте www.illustrator.ru. См., например, популярные у пользователей иллюстрации Екатерины Комраковой, Глеба Бодарева и Владимира Владкова.

*Приложение**Примеры издательских серий с использованием советской иллюстрации*

«Речь»

- Любимая мамина книжка
- Вот как это было
- Ребята с нашего двора
- Странички-невелички

«Нигма»

- Старые друзья

«Мелик-Пашаев»

- Тонкие шедевры для самых маленьких

«Энас-Книга»

- Новые старые книжки

«Эксмо-детство»

- Ретро-классика
- Любимые советские книжки

ИД Мецеракова

- Мальчишки и девчонки

«Арт-Волхонка»

- Детям будущего

«Ad Marginem»

- А+А

РОСМЭН

- Та самая книжка

«АСТ.Мальш»

- Лучшая книга Мальша

«Дельфин»

- Мишуткины книжки
- Бумажный самолетик

«Арт-Волхонка»

- «Детям будущего»: Книги 20–30-х годов

Литература

1. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение: Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.: ил.
2. *Барт Р.* Риторика образа // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. *Штомпка П.* Визуальная социология: Фотография как метод исследования: Учебник: Пер. с польск. М.: Логос, 2007. 168 с.
4. *Герчук Ю.Я.* Искусство печатной книги в России XVI–XXI веков. СПб.: Коло, 2014. 511 с.
5. *Герчук Ю.Я.* История графики и искусства книги. М.: Изд. дом «Рип-холдинг», 2013. 316 с.
6. О художниках-пачкунах («Правда», 1936) [Электронный ресурс] // Против формализма и натурализма в искусстве: Сборник статей. [Москва]: ОГИЗ – ИЗОГИЗ, 1937. URL: <http://tehne.com/event/arhivsyachina/o-hudozhnikah-pachkunah-1936> (дата обращения 14.12.2018).
7. *Елисеева М.Б.* Книга в восприятии ребенка от рождения до 7 лет. М., 2008. 83 с. (Серия журнала «Логопед»)
8. *Хемби Э.* Домашняя сфера и повседневность в искусстве Татьяны Назаренко // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 141–156. (Библиотека Журнала исследований социальной политики)
9. *Ескина Е.В.* Московская иллюстрация детской книги в 1960–1980-х годах: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М.: МГУ. 2013.

References

1. Yurchak A. *It was forever, until it was over. The last Soviet generation.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2014. 664 p. [In Russ.]
2. Barthes R. Rhetoric of image. V: Barthes R. *Selected works: Semiotics. Poetics.* Moscow: Progress Publ.; 1989. 616 p. [In Russ.]
3. Sztompka P. *Visual sociology. Photography as a research method.* Moscow: Logos Publ., 2007. 168 p. [In Russ.]
4. Gerchuk Yu. *The art of the printed book in Russia of the 16th – 21st centuries.* Sankt-Petersburg: Kolo Publ.; 2014. 511 p. [In Russ.]
5. Gerchuk Yu. *History of graphics and art books.* Moscow: Edition House “Rip-holding” Publ.; 2013. 316 p. [In Russ.]
6. About Artists-Packunies (Pravda, 1936) [Internet]. *Against formalism and naturalism in art: Collected papers.* [Moscow]: OGIZ - IZOGIZ Publ.; 1937. URL: <http://tehne.com/event/arhivsyachina/o-hudozhnikah-pachcheniya-14.12.2018> [In Russ.]
7. Eliseeva MB. *The book is in the perception of a child from birth to 7 years.* M., 2008. 83 p. (Logopedist journal series) [In Russ.]
8. Hemb E. Home Sphere and Everyday Life in the Art of Tatiana Nazarenko V: Yar-skoy-Smirnova ER., Romanova PV., eds. *Vizual'naya antropologiya: rezhimy vidi-*

- mosti pri socializme*. Moscow: Variant LLC Publ.; TsSPGI Publ.; 2009. P. 141-56. (Biblioteka Zurnala issledovanij social'noj politiki) [In Russ.]
9. Eskina EV. *Moscow Illustration of a Children's Book in the 1960s – 1980s*: Abstract of dissertation for the degree of candidate of art history. Moscow: MSU Publ.; 2013. [In Russ.]

Информация об авторе

Жанна В. Уманская, кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; zh.umanskaya@mail.ru

Information about the author

Zhanna V. Umanskaya, Cand. of Sci. (Pedagogy), associate professor, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; zh.umanskaya@mail.ru